

Культурные символы — важнейшие составляющие ментального устройства. В политической жизни символы выполняют разнообразные функции, особенно возрастает их роль в периоды глубоких социальных и культурных потрясений, которые провоцируют своеобразную архаизацию сознания. В эти эпохи воскресают древние образцы отношения к символам, когда борьба за символы власти была важнейшим элементом борьбы за власть.

Революцию нельзя понять без изучения политических символов, при этом речь должна идти не только об их собирании, описании и классификации. Исследователь должен реконструировать восприятие этих символов, выявить ту роль, которую они играли в политических процессах¹.

¹ О политических символах этой эпохи см.: Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in Russian Revolution*. New York; Oxford, 1979; Его же. Революционная культура и ее место в истории культурных революций // *Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть*. С.-Петербург, 1994. С.372-382; Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // *Анатомия революции: 1917 год в России...* С.356-365. Последний автор тщательно изучил знамена эпохи: Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1989; Его же. Опыт привлечения вексиллологических источников для решения геральдических проблем // *Труды Государственного исторического музея*. М., 1986. Вып. 61. С.134-144; Его же. Знамена Февральской революции // *Геральдика: Материалы и исследования*. Л., 1983. С.12-26; Его же. Краски войны // *Родина*. 1990. № 10. С.26-28, 34, 50-51; Его же. Автограф художника // *Музейное дело в СССР*. М., 1980. С.140-146.

Матросы миноносца "Послушный". Моряки любят фотографироваться. Но в разное время они снимаются по-разному. На дореволюционных фотографических снимках запечатлены матросы, гордящиеся своей формой и знаками отличия, своими наградами.

После Февральской революции сразу же изменился облик людей, одетых в форму. Они получили значительно больше возможностей для изменения своей внешности. Так, приказ № 31 командующего флотом Балтийского моря от 14 марта гласил: “Впредь до выработки устава внутренней службы разрешаю офицерам, матросам и солдатам вверенной мне флотилии брить усы и носить волосы по своему усмотрению”¹. Однако с уверенностью можно предположить, что в других соединениях солдаты и матросы стали менять свои прически, не дожидаясь никаких приказов.

Революция отразилась и на форменном платье.

Придворные лакеи, прислуживавшие теперь членам Временного правительства в Зимнем дворце, были лишены блестящих ливрей, и облачились в серые куртки без гербовых пуговиц².

Студенты Горного института постановили снять металлические наплечные знаки и отправить их “на нужды обороны”³. Изменился и облик служащих государственных учреждений, и уж совсем не походили на петербургских чиновников служащие новых министерств, созданных после Февраля. Иностраный корреспондент, проходивший по Невскому проспекту в пять часов дня, не мог объяснить для себя одновременное появление большого числа небрежно одетых молодых людей с портфелями под мышкой. Лишь через некоторое время он сообразил, что это “новые чиновники”, возвращающиеся домой со службы. Однако серьезный конфликт разгорелся, когда социал-демократ Н.Д.Соколов, назначенный сенатором, отказался надеть форменный мундир с “эмблемами рабства” — речь шла о пуговицах с орлами — и явился в Сенат в штатском костюме. Поведение нового сенатора вызвало резкие протесты со стороны его новых коллег⁴.

¹ РГАВМФ, Ф.21, Оп.1, Д.21, Л.63.

² Бубнов А.Д. В царской Ставке. СПб., 1995. С.154.

³ Речь. 1917. 27 апреля.

⁴ Witnesses of the Russian Revolution. London, 1994. P.101; Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции (Репринт). М., 1991. Т.1-2. С.70-71, 125.

Да и сами члены Временного правительства совершенно не соответствовали традиционным представлениям о руководителях государства: "... одеты они были более чем небрежно, и походили скорей на рабочих, чем на интеллигентных людей", — вспоминал адмирал, хорошо знавший образ жизни и манеры поведения представителей высшей власти дореволюционной России. Сходной была и реакция британского военного атташе полковника А.Нокса, когда во время приема он случайно взглянул на обувь новых министров: "Какая необычная коллекция ботинок!"¹.

Но особенно разительными были изменения в военной форме одежды. В приказе по Балтийскому флоту от 14 марта указывалось, что при увольнении в город военнослужащие могут выходить в форме по своему желанию. Этот документ взывал к самосознанию матросов и солдат: "Чистота и опрятность одежды составляют личную гражданскую обязанность каждого человека"².

Обладатели всех видов военной формы также должны были задуматься об ее изменении. Британский посол докладывал в Лондон 3 марта: "... солдаты срывают императорские эмблемы". А итальянский посол при румынском королевском дворе 13 марта сообщал своему правительству о распоряжениях, полученных русскими войсками Румынского фронта: "Здесь получен приказ снять с мундиров царские знаки отличия, короны и прочее"³.

С начала Февральской революции особое значение приобрел вопрос о погонах, прежде всего об офицерских знаках отличия.

Для офицеров погоны были важнейшим элементом формы, знаком принадлежности к элитарной корпорации. Почетный характер золотых погон порой по-своему расшифровывали рядовые солдаты и матросы, которые воспринимали их не как знак отличия звания и определенного рода оружия, а как знак принадлежности к привилегированному сословию, к высшей касте. От их обладателей отличали "березовых офицеров", носивших серебряные погоны. Бывший моряк вспоминал: "На "Азии" (учебном корабле — *Б.К.*) служил в чине поручика с березовыми погонами и с красным просветом Ребров, ... по специальности минный офицер-торпедист. Офицеры дворянского сословия носили золотые

¹ Бубнов А.Д. В царской Ставке. СПб., 1995. С.153; Knox A. W. F. With the Russian Army. London, 1921. Vol. 2. P.585.

² РГАВМФ, Ф.21, Оп.1, Д.21, Л.63.

³ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т.5(24). С.111.

погоны с черным просветом и получали зарплату в несколько раз больше простого смертного, поручика, выходца из простого народа. ... Для получения дворянского звания необходимо прослужить в царском военноморском флоте 25 лет безупречной службы в чине офицера, тогда только присваивают дворянское сословие с ношением золотых погон...". Матросы, например, не считали прапорщиков по Адмиралтейству "настоящими" офицерами и противопоставляли их морским офицерам "желтопогонникам", которые носили золотые наплечные знаки отличия¹.

Соответственно, во время различных бунтов и восстаний погоны становились объектом атаки повстанцев. Так, например, на броненосце "Потемкин" в 1905 году матросы срывали с морских офицеров их золотые погоны, восставшие "обеспогонивали" и жандармов на берегу. Но что означали эти действия? По крайней мере, в некоторых случаях участники событий расшифровывали свои действия как "разжалование" противников².

В 1917 году "обеспогонивание" порой имело такой же смысл. В начале марта в Шлиссельбурге толпа сорвала погоны и кокарду с полицейского исправника, возражавшего против освобождения уголовных из тюрьмы³. Можно предположить, что данный полицейский офицер мог бы некоторое непродолжительное время сохранить свой чин, если бы он не был "разжалован" толпой, возмущенной его "старорежимными" действиями.

Когда в дни Февральской революции в Таврический дворец привели бывшего военного министра, генерала от кавалерии В.А.Сухомлинова, то разъяренные солдаты, считавшие его изменником, чуть не учинили самосуд, генерала спас А.Ф.Керенский. Однако с Сухомлинова сорвали погоны, хотя он позднее утверждал, что сам снял их по требованию толпы. В этом случае толпа действовала согласно своеобразному патриотическому коду поведения: генерал считался преступником и предателем, поэтому он и лишался почетного отличия. Снятие погон было знаком позорного увольнения с военной службы, методом самосуда в данном случае была осуществлена гражданская казнь. В некоторых слухах

¹ Воропаев. Начало военно-морской службы на Балтийском флоте // ЦВММ, рукописно-документальный фонд, В-18992, Л.10; Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917-1918 гг. М., 1932. С.18-19.

² Егоров И.Н. (Орлов К.Н.) Жизнь рабочего-революционера (От 1905 г. до 1917 г.). Л., 1925. С-10.

³ Симанович В. Из Шлиссельбургской крепости на волю // На волю! Падение самодержавия. Освобождение из царских тюрем и каторги: Сб. воспоминаний к 10-летию Февральской революции. Л., 1927. С.11.

“обеспогонивание” Сухомлинова приобретало дополнительную символическую нагрузку: погоны с него якобы сорвал некий “делегат” Преображенского полка, первого полка Российской армии. “Обеспогонивали” и некоторых других офицеров, арестованных в дни Февраля. Солдат-фронтовик писал: “В других полках ... без всякого суда арестовывали некоторых офицеров и срывали с них погоны”¹. Можно предположить, что и в данном случае солдаты лишали недостойных, по их мнению, арестантов почетного знака отличия.

В Ревеле во время манифестации в честь революции группа штатских атаковала капитана 1 ранга П.В.Гельмерсена и сорвала с него погоны. Матросы вступились за своего командира и силой доставили виновников происшествия на корабль. По решению матросов штатские должны были принести извинения и собственноручно пришить знаки отличия на форму офицера в присутствии всей команды. Совет рабочих и воинских депутатов Ревеля также вынес специальное постановление, осуждавшее виновников конфликта. Нам неизвестны точно мотивы действий лиц, напавших на офицера. Однако очевидно, что и для данной группы матросов, и для депутатов Совета погоны в это время продолжали оставаться почетным знаком отличия².

Наплечные знаки отличия первоначально вовсе не противоречили символическому осмыслению свершившегося переворота. Показательно, что на многих красных знаменах, созданных вскоре после Февраля, встречаются фигуры солдат, символизирующих революционную армию. Они изображаются в погонах, порой цвет погон и петлиц позволяет даже определить конкретный полк³.

Некоторые гражданские и военные чины даже в этих ситуациях пунктуально соблюдали установленную форму одежды. Когда Ф.И.Родичев, назначенный министром по делам Финляндии, прибыл в

¹ Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С.291; Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 8 апреля; Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С.149, 158; Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 1. С.200.

² Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 7. С.77-78; РГАВМФ, Ф. р-402, Оп. 1, Д.119, Л.15об.

³ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1989; Его же. Опыт привлечения вексиллологических источников для решения геральдических проблем // Труды Государственного исторического музея. М., 1986. Вып. 61. С.134-144.

Гельсингфорс, то его на перроне встретили чиновники, генералы и адмиралы в подобающей форме, многие в треуголках и со шпагами¹.

Однако от военнослужащих, имевших на погонах царские вензеля, нередко требовали их удаления: символы старого режима оскорбляли противников монархии. Уже 3 марта британский дипломат сообщал в Лондон о том, что солдаты срывают императорские эмблемы. То же происходило и в других городах: 2 марта в Севастополе комендант крепости адмирал Веселкин вынужден был по требованию агрессивно настроенной толпы снять вензеля “Николашки” со своих погон. Но и в пределах одного и того же города и отношение к обладателям погон с вензелями, и поведение последних могло быть различным. Депутат городской думы Севастополя 5 марта фактически обвинил начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала С.С.Погуляева: “А не находите ли вы своевременным снять ваши желтые аксельбанты, как принадлежность к царской свите и заменить ваши погоны с белой короной на другие? Вам известно, что корона пала и она может только вызывать раздражение у матросов”. Адмирал счел возможным ответить: “Я сниму их только тогда, когда законная власть мне прикажет”².

Требование удаления вензелей также подтверждало сохранение почетного статуса самих погон в глазах части сторонников революции. Впрочем, порой офицеры явно перестраховывались и действовали с опережением: командующий железнодорожным полком в Ставке генерал С.А.Цабель явился на построение без вензелей, хотя нижние чины в то время еще их сохранили. П.Н.Врангель даже утверждал, что он постоянно ходил пешком по улицам Петрограда в своей генеральской форме с вензелями наследника и за все время не имел ни одного столкновения. Однако борьба с вензелями все же имела место, она отражалась на дисциплине в армии. В такой обстановке 8 марта Верховный главнокомандующий генерал М.В.Алексеев разрешил снять вензеля и аксельбанты. 22 марта приказом военного ведомства 12-й гренадерский астраханский императора Александра III полк был переименован в 12-й Астраханский гренадерский, вензельная шифровка заменялась литерой “А”. Наконец, 4 апреля военный и морской министр А.И.Гучков отдал приказ № 181 по военному ведомству об удалении накладных вензелей

¹ Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, Ма, 1983. С.107.

² Иностранцы дипломаты о революции 1917 года // Красный архив. 1927. Т.5(24). С.111; Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914 – 1918 гг.). Пг., 1918. С.68; Его же. На трудном перевале. М., 1959. С.175; Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917-1918 гг. М., 1932. С.20-21.

Николая II с погон шефских частей и подразделений (в тот же день был отдан и приказ об удалении вензелей бывшего императора с оружия). В некоторых частях это вызвало конфликты: офицеры, а порой и солдаты, не хотели отказываться от привычной традиционной формы своих полков¹.

Особенно болезненно воспринимали изменение погон учащиеся ряда военных учебных заведений, хотя именно они из-за своей формы становились порой объектом атак революционной толпы. Питомец элитарного Пажеского корпуса был даже сброшен в канал и утонул. Его соученик вспоминал: “Через неделю нам всем было велено снять с эполет золотую царскую монограмму “Н II”. Я как можно дольше уклонялся от выполнения этого распоряжения и не из какой-то особой верности Государю, а по эстетическим соображениям. Возможно, стоит добавить, что многие из мальчиков настолько отождествляли себя с монархией, что расставание с эполетами казалось им чуть ли не предательством”².

Погоны создавали возможность для небольших демонстраций самого разного толка. Воспитанники Псковского кадетского корпуса демонстрировали верность монархии, продевая белые платки под погоны³. Некоторые же украинские солдаты и даже офицеры украшали свои знаки отличия желто-голубыми лентами. И это происходило не только на территории Украины. Начальник сухопутных войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря, инспектировавший артиллерийские позиции Свеаборгской крепости 5 и 7 августа, был поражен видом капитана, имевшего на левом погоне ленточку украинских национальных цветов. В своем приказе он специально отмечал этот случай⁴. В то же время многие военнослужащие “революционизировали” свои погоны — прикалывали к ним красные банты, обшивали красной материей (первое время многие офицеры с большим или меньшим успехом пытались бороться с этой революционной модой). Некий же представитель революционного Кронштадта даже явился в штаб Балтийского флота, одетый в офицерскую тужурку с нашитыми на рукавах

¹ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971. С.146; Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России (ноябрь 1916 г. – апрель 1917 г.) // Русская летопись. 1922. Кн.3. С.93-94; Воспоминания генерала барона П.Н.Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969. С.24; Русская армия (1917-1920): Обмундирование. Знаки различия. Награды и нагрудные знаки / Сост. О.В.Харитонов, В.В.Горшков. СПб., 1991. С.26-28; Gourko V. War and Revolution in Russia, 1914-1917. New York, 1919. P.327.

² Граббе П. Окна на Неву: Мои юные годы в России. СПб., 1995. С.144.

³ Михайлов А. Шляхетный корпус // Родина. 1997. № 6. С.58.

⁴ РГАВМФ, Ф.353, Оп.1, Д.44, Л.91об.

(сбоку, а не на плечах) адмиральскими погонами. Тем самым подчеркивался его высокий и, вместе с тем, революционный статус. Экзотический костюм дополняли треуголка и офицерская сабля¹.

Появлялись и новые образцы погон, других знаков отличия, в которых использовалась революционная символика. Военнослужащие создававшихся в 1917 году ударных частей носили на рукаве черно-красную нашивку. В приказе генерала А.А.Брусилова эта символика объяснялась так: “красный ... символ борьбы за свободу... черный ... указание на нежелание жить, если погибнет Россия”. Погоны таких же цветов стали знаком отличия солдат и офицеров Корниловского ударного отряда, а затем сочетание черного и красного цвета стало символом корниловцев в годы Гражданской войны. Черно-красная тесьма нашивалась на белые погоны 1-го женского батальона².

Еще 9 апреля на заседании Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта обсуждался вопрос о создании “национальной Красной гвардии”, подчиненной исключительно Исполнительному комитету Совета. Предполагалось, что военнослужащие этого отряда будут иметь форму своих частей с погонами красного цвета, на которые наносился бы трафарет “К.Г.” черного цвета. Предложение о введении особых новых погон было после прений отвергнуто³. Однако сам факт того, что в Гельсингфорсе, ставшем вскоре одним из центров “погонной революции”, на заседании Совета был поставлен вопрос о введении новых погон, весьма показателен. Интересно, что инициаторы предложения считали Совет вправе ввести новые наплечные знаки отличия. Показательно, что они, подобно создателям ударных частей, использовали красный и черный цвета.

Но через некоторое время погоны вообще, а офицерские погоны в особенности, стали восприниматься как символ старого режима, подлежащий немедленному уничтожению. Погоны не соответствовали и символическому осмыслению переворота, борьбу с ними стимулировал и эгалитарный дух “Приказа № 1”, отменившего отдавание чести вне службы. Но и без данного приказа солдаты и матросы переставали порой приветствовать старших по званию — именно так, по их мнению, и следовало вести себя в условиях революции. Так, в Севастополе уже 2

¹ Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С.71.

² Корнаков П. Краски войны // Родина. 1990. № 10. С.26-27, С.50-51; Русская армия (1917-1920): Обмундирование. Знаки различия. Награды и нагрудные знаки / Сост. О.В.Харитонов, В.В.Горшков. СПб., 1991. С.32.

³ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы. М., 1958. С.194.

марта многие военнослужащие перестали отдавать честь, лишь затем, после проведения парада в честь революции там вновь на некоторое время вернулись к приветствию старших по званию¹. Вопрос об обязательном приветствии был необычайно важен и для солдат, и для офицеров, он также провоцировал многочисленные конфликты. Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов также настаивал на отмене отдания чести². Отмену отдания чести солдаты Петроградского гарнизона считали важным завоеванием революции, в своих резолюциях они требовали распространения этого положения на всю армию. Во многих частях русской армии и флота бывшие “нижние чины” повели свою борьбу с погонами. Солдаты рассуждали: “Честь отдается погону, установленному царем: царя-батюшки нет — не надо и погон, а тогда не надо и отдания чести”. Иные же “ссылались” на пример других стран: “Ведь ни в одном конституционном государстве честь не отдается...”, — писал 10 марта некий солдат в Петроградский Совет. Комитет 15-го Сибирского Стрелкового полка 15 марта постановил: “Устранить отдание чести, вставание во фронт и команду “смирно” как на службе, так и вне службы. Команда “смирно” отдается только как предварительная во время занятий. ... принудительное отдание чести ограничивает свободу взаимных отношений между офицерами и солдатами, а потому и недопустимо”. Под давлением солдат некоторые Советы, подобно Витебскому, рассматривали требования отдания чести как наступление на их права³.

Однако для многих офицеров традиционное приветствие было символом военного порядка, и они порой требовали точного соблюдения устава, даже угрожая солдатам оружием. Так, 5 марта в Гжатском гарнизоне произошел инцидент: солдат не отдал чести прапорщику, оскорбленный офицер стрелял, ранил солдата и еще двух штатских, после чего был убит патрулем. Порой же офицеры-службисты не довольствовались и отданием чести: солдат 35-го пехотного запасного полка ефрейтор Романенко получил 20 суток ареста за то, что отдал честь, но не стал при этом во “фрунт”⁴.

¹ Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914 – 1918 гг.). Пг., 1918. С.67-68; Его же. На трудном перевале. М., 1959. С.170.

² Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С.215, 238.

³ Из дневника генерала В.Г.Болдырева // Красный архив. 1927. Т.4 (23). С.257; Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С.34; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С.612, 635.

⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С.622; Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С.20-21.